

Публичная библиотека в жизни библиографа

1

«Словеса книжные – суть реки, напоющие вселенную» – эти знаменательные слова, начертанные вязью над дверью читального зала Публичной библиотеки, встречали всех входящих в зал. Смысл этих слов давно мне знаком. Я сама пропагандист книги (служила библиотекарем в Центральной библиотеке Брянска). Однако здесь они сразу же создают особую атмосферу, особое уважение к «словесам», которыми предстоит овладеть.

Весь уклад Публичной библиотеки 1920–30-х гг. содействовал углубленному чтению.

Порою между столами с настольными лампами по ковровой дорожке проходит библиотекарь в синем халате. Он приглядывается к читателям. Вот остановился и что-то говорит одному из них: должно быть, читатель загнул угол страницы или положил локоть на книгу. Это заставляет сидящих за столами быть более бережными с взятыми изданиями.

Сдавать полученные книги также ответственно. Принимал их худощавый суровый служитель, внимательно просматривающий сдаваемое. И хотя ты не вырывал нужных тебе страниц и не делал записей на полях книг и журналов, такая проверка все же заставляла многих подтянуться. Конечно; и в те далекие годы из изданий исчезали страницы со стихами С. Есенина и других поэтов, но полагаю, что случаи эти были нечастыми.

Огромное впечатление производили каталоги, предназначенные читателям. Хозяйки этого чудесного библиографического пособия – библиографы; большей частью бестужевки в темных английских костюмах с белыми блузками. У них строгий вид, но когда к ним обратишься, встретят тебя приветливо, и уходишь обычно удовлетворенным.

Как я любила посещать читальные залы Публичной библиотеки в свои юные годы!

Я приехала в 1924 г. в Петроград, чтобы поступить в Библиотечный институт, где уже училась моя старшая сестра Елена, но пришло распоряжение стать институту партийным¹. Студенты его с понижением в один учебный год были переведены в педагогический институт им. А. И. Герцена, а поступавшим вернули их документы. По иронии судьбы я после отечественной войны читала курс лекций по литературной библиографии в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской.

Печально бродила я по площадям и улицам пленительного города. Для поступления в другой вуз требовалось особое направление (путевка), его у меня не было. Однако порою сбывается пословица «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло».

¹ Созданный в 1918 г. как Институт внешкольного образования, в 1924 г. получил статус политико-просветительного и лишь в 1941 г. преобразован в Библиотечный институт (ныне С.-Петербургский гос. институт культуры. – *Примеч. ред.*).

Взгляд мой нередко привлекали театральные тумбы с пестрыми афишами. И вот среди них я увидела объявление о приеме на Высшие курсы при Государственном институте истории искусств. По существу это была Вольная академия, самостоятельно разрабатывающая учебные планы своих курсов. Основное ядро преподавателей составляли молодые, недавно вступившие на научный путь исследователи. Учиться было интересно. Помимо учебы на филологическом, можно было посещать и другие факультеты. Слушать лекции к нам нередко приходили студенты университета.

А что сулило в дальнейшем четырехлетнее образование? В годы безработицы диплом литературоведа на бирже труда не был весомым. Требовалась более четкая профессия.

В 1925 г. я поступила на Высшие курсы библиотековедения при Публичной библиотеке. Они были двухлетними и принимали на них тех, кто имел высшее образование или учился в вузе. Занятия на курсах и в институте были вечерними. В институте посещение лекций являлось вольным, а на курсах – обязательным. Поэтому часто, прослушав лекции в одном здании, приходилось стремительно бежать в другое, пользуясь их близким расстоянием (Исаакиевская площадь и Садовая, 18). Можно было подъехать (по Невскому проспекту ходили трамваи), но плата в 7 коп. в течение ряда дней наносила существенный урон скудному студенческому бюджету (10–15 р. в месяц; стипендий курсы не имели).

Высшие курсы библиотековедения давали специальных знаний неизмеримо больше, чем библиотечные институты. Это объяснялось профилем будущей работы: курсы готовили сотрудников научных библиотек. Таких курсов, к сожалению, сейчас нет¹.

Среди изучаемых предметов меня особенно привлек курс «Учение о классификации в связи с вопросом о классификации наук», талантливо читаемый Я. П. Гребенщиковым. Курс этот в какой-то мере заменял мне знакомство с логикой, которая уже не преподавалась ни в гимназии, ни в университете.

Обогатило меня также знакомство с различными видами каталогов. Один из них (перекрестный), объединяющий в себе алфавит авторов, тем, заглавий, был осуществлен мною позднее в справочном отделе Пушкинского Дома.

Лекции по библиографии я слушала и в институте, и на курсах. Этот предмет как совпадающий можно было перезачесть. Однако, зная ревнивое отношение к своему предмету обоих профессоров, я сдала оба экзамена. Да и по своему наполнению их лекции были разными. А. Г. Фомин знакомил с большим числом библиографических указателей, раскрывая их содержание. С. Д. Балухатый сосредоточился на литературной библиографии и уделял большое внимание практической работе студентов.

Александр Григорьевич помог мне понять, как важно распределение материала в библиографических указателях и составление вспомогательных ука-

¹ В настоящее время при Российской национальной библиотеке функционируют библиотечные курсы, слушателями которых являются сотрудники библиотеки, имеющие высшее неспециальное образование.

зателей к ним. Сергей Дмитриевич внушил мысль, что время библиографов-регистраторов миновало. Составлять библиографии должны специалисты. А. Г. Фомин называл меня своей ученицей, но по подходу к библиографической работе я была ученицей и соратницей С. Д. Балухатого. Позднее Александр Григорьевич обогатил меня пониманием важного свойства аннотированных библиографий, еще не замечаемого мною. Встретив меня в Пушкинском Доме после выхода из печати библиографии С. Д. Балухатого «Критика о М. Горьком, 1892–1932» (Л., 1934), составленной с помощью студентов Института истории искусств, среди которых была и я, Фомин сказал: «Какая интересная книга. Читал ее как роман». Помню, что тогда это признание показалось мне забавным и похожим на библиографический комплимент. Однако вскоре я поняла, что аннотированные библиографии требуют умелого прочтения, позволяющего уяснить движение критической мысли вокруг творчества того или иного писателя, его значения для данной эпохи, раскрыть отдельные стороны литературного процесса. «Критика о М. Горьком» действительно увлекательный «роман» для изучающих литературу начала XX в.

Освоение программ двух учебных заведений и частные уроки (источник существования) не оставляли мне свободного времени для общения с сокурсниками. И все же на курсах библиотековедения я сблизилась с двумя.

Михаил Михайлович Никифоров – библиограф по признанию. Он любил и знал книги и был всецело в их мире. Он считал себя некрасивым и сторонился женского общества. Но наши общие интересы как-то понемногу стали выявляться, и мы стали добрыми друзьями. Когда после окончания курсов выяснилось, что у меня нет заработка, Михаил Михайлович помог мне получить временную работу. Он привел меня в Лесную академию, где работал, и в одном из учебных кабинетов мне поручили составить систематический каталог имеющейся там литературы. По молодости лет я согласилась, именно по молодости, так как никаких знаний по лесному делу у меня не было. Чтобы уяснить необходимую рубрикацию, я прочла несколько учебных пособий, рекомендованных студентам, и принялась за дело. Составленный каталог заведующий кабинетом даже похвалил, но я еще долгое время ощущала смущение, вызываемое воспоминанием о нем. Самыми интересными в этой временной работе были возвращения домой. Трамвайная остановка находилась далеко, и мы с Михаилом Михайловичем успевали вдоволь поговорить, идя по золотистой осенней аллее.

С Анной (Асей) Васильевной Филипченко нас сблизил подготовка к трудным экзаменам, о которых говорили, что с первого раза они недоступны. Ася была замужем за известным ученым и обладала уже житейским опытом, но это как-то не сказывалось на нашем общении. Я была застенчива и совсем не обладала искусством светского разговора. Была застенчива и Ася, но у нее она составляла одну из черт женского обаяния. Ася принадлежала к потомственной интеллигентной семье, и эта неподчеркиваемая интеллигентность сказывалась во всем ее облике. Она знала несколько иностранных языков, и это очень помогало нам, особенно при освоении иностранной библиографии. Экзамены мы сдали сразу же и успешно, но наши надежды попасть в штат Публич-

ной библиотеки не оправдались. С Асей и Михаилом Михайловичем как сотрудниками этой библиотеки я встретила вновь в годы Отечественной войны.

2

В конце моей учебы на Высших курсах Института истории искусств, С. Д. Балухатый предложил мне принять участие в спешной работе по подготовке первого комментированного издания Собрания сочинений А. П. Чехова (к 25-летию со дня его смерти). Чеховских библиографий тогда не было. Предстояло составить список произведений писателя и прижизненной литературы о нем. Сергей Дмитриевич в основном занимался изучением личного архива Чехова. На мою долю выпал просмотр печатных источников. Я снова стала усердной посетительницей Публичной библиотеки.

Строгость и вместе с тем явная благожелательность, характерные для сотрудников читальных залов библиотеки, царили и в отделе периодики.

Библиограф, с интересом выполняющий свою работу, невольно становится знатоком в избранной области. Напряженный просмотр позволил ознакомиться не только с чеховскими материалами, но и с развитием газетного дела в интереснейший период выявления различных интересов читательских кругов. Так складывался особый тип обывательской газеты, делалась попытка привить криминальность массовой русской литературе (тогда безуспешная) и т. д. Но главное было в знакомстве с самой структурой старой газеты, столь непохожей на современную нам. Газеты были больше по формату и числу страниц. В них имелись определенные разделы, в том числе с ежедневными сведениями о текущей культурной жизни. Такое знакомство в дальнейшем значительно облегчало мои библиографические розыски. Газетные традиции в области литературы и искусства стали теряться в советской прессе в конце 1920-х гг. Более других их сохраняли «Известия».

Объемность газет заставляет переплетать их частями. Старые газеты имеют толстый картонный переплет с кожаным корешком. Поднять такую газету на рабочий стол нелегко. До Отечественной войны в отделе периодики были служители, заботящиеся о сохранности порученного им имущества. Они приносили или привозили на тележке нужную Вам газету и сами убирали ее с вашего стола. Эти безымянные для нас труженики весьма облегчали работу исследователя. Каждый из нас был благодарен им. Упразднение такого обслуживания плохо сказывается на самих газетах. Особенно это заметно в Библиотеке Академии наук.

Вскоре после выхода Собрания сочинений Чехова сначала как приложения к журналу «Огонек» (1929), затем в Гизе (1930), я снова вернулась в отдел периодики.

Моя первая научная библиография «Периодика по литературе и искусству, 1917–1932» была задумана в меньшем объеме еще в студенческие годы в качестве дипломной работы. В конце 1920-х гг. научные звания и дипломные работы были отменены и библиография осталась незавершенной. И все же мысль продолжить ее не оставляла меня. Библиография казалась мне необходимой для

будущего изучения советской литературы, за развитием которой я в меру своих сил следила.

В дирекции Публичной библиотеки, куда я пришла с рекомендацией С. Д. Балухатого, меня направили к заведующей фондом советской периодики.

Встретила меня маленькая пожилая женщина в теплом одеянии, повязанном сверх того теплым платком, в вязанной шапочке, ботах, руки в метенках. В хранилище было холодной и зимой, и летом. На первый взгляд она показалась мне суровой властительницей привлекавших меня сокровищ, но вскоре это впечатление исчезло.

Бронислава Иосифовна Зигель расспросила о замыслах моей книги и характере описания периодических изданий, затем сказала: «Журналы, как вы уже знаете, имели в первые годы революции малое число номеров. Вам для работы необходима ежедневная большая порция. Разрешу выписывать 20–25 названий. Вот алфавитный каталог. Выписывайте необходимые вам названия и ставьте шифры».

Выписывать необходимые журналы... Но ведь моя задача состояла в установлении определенного журнального свода. За небольшим числом уже описанных органов печати, я не могла назвать будущего материала предполагаемой книги.

Зигель любезно предложила мне начать просмотр алфавитного каталога. Но каталожные карточки часто не отражали характер издания. Под одним и тем же наименованием могли выходить профсоюзные, политические, экономические и литературные журналы. Стало ясно, что придется выписывать много лишних изданий, будет огромный отсев просматриваемого.

«Путем выписки я закончу свою работу в глубокой старости», – сказала я. В ответ Зигель сочувственно кивнула головой. И тут я стала уверять ее, что следует разрешить мне знакомство с советской периодикой прямо у полок, что это позволит мне закончить библиографирование через несколько лет и будет полезнее и для самой периодики, которую не придется таскать в читальный зал и обратно. Властительница хранилища сначала сурово глядела на меня, но затем смягчилась. Зигель поверила в мой романтический энтузиазм – в течение нескольких лет пересмотреть огромное число журнальных полок, поверила, что я не обману ее доверия.

И вот почти ежедневно я бегу с Галерной к открытию Публичной библиотеки и вместе с Зигель мерзну и как бы не устаю. У нас нет перерыва. В немногие минуты отдыха Зигель рассказывает мне, как она вместе с другими сотрудниками хлопотала в первые годы Октября о пополнении новых фондов. В годы Гражданской войны нарушалась доставка изданий, появлялись пропуски и Зигель писала замерзающей рукой редакторам и издателям, чтобы выслали недостающие номера и сообщили, будет ли продолжено издание. Ответы прикреплялись к каталожным карточкам, помогая порою восстановить историю журнала. Эти увлекательные рассказы и нередкие домашние шифры Зигель (такой-то шкаф у окна, такая-то полка снизу или сверху, номер такой-то) были мне очень дороги. Еще не осознавая этого, я чувствовала, что соприкасаюсь в ее лице с самоотверженным служением делу культуры.

Основу моей книги составляла периодика, имеющаяся в фонде Публичной библиотеки. Затем я (также у полок) просматривала периодику в Библиотеке Академии наук. Дополнением служил просмотр периодики, хранящейся в московской Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Библиография, включившая 1850 названий, была безвозмездно издана в 1933 г. Академией наук СССР (переиздана в 1971 г. в Лейпциге).

Книга, вышедшая в 1933 г. без переплета, на дешевой желтоватой бумаге, мне казалась чудесной. Я тотчас же снесла дарственный экземпляр Брониславе Иосифовне (в книге ей выражалась благодарность за помощь в работе). Она была обрадована и вместе с тем смущена. А ведь не будь Зигель и ее доверительного отношения ко мне, не появилась бы и эта библиография.

3

В 1934 г. я стала работать сначала в библиотеке Института литературы (Пушкинского Дома), а затем в одном из его научных отделов.

Великая Отечественная война вызвала свертывание работы Пушкинского Дома. Наиболее ценные рукописи его архива были эвакуированы в Сибирь. К эвакуации готовился и ряд сотрудников. Штат сократили. Я осталась без работы.

Эвакуацией наиболее ценных материалов в сопровождении сотрудников была занята и Публичная библиотека. Но она продолжала активную работу, и ей требовались сотрудники на смену уезжавшим. В августе 1941 г. я стала сотрудником Публичной библиотеки.

Принимала меня Мария Эдуардовна Орловская, знавшая меня по Высшим курсам библиотековедения. Видимо знала она и о том, что я составитель нескольких больших библиографий. Но библиографический отдел замирал, и меня направили на обслуживание читателей.

В мою задачу входило ставить на читательских требованиях шифры выписываемых книг по алфавитному каталогу. Скучноватая, конечно, для меня работа, но из нее я все же надеялась извлечь положительный смысл.

Я ознакомилась со структурой алфавитного каталога библиотеки и дополнительными ключами к нему. Это помогло в дальнейшей работе над фундаментальными библиографиями. Встретилась я и с интересными людьми, заботливо пополнявшими каталог. Особенно запомнился представитель старой интеллигенции с ее особой манерой общения с людьми – Николай Дмитриевич Игнатъев. Его служебным хобби являлось расписывание памятных книжек отдельных губерний и городов. Материал этот мне не был знаком и он приобщил меня к наиболее ценным находкам. Николай Дмитриевич тоже энтузиаст из поколения Зигель. В суровую зиму 1942 г. его не стало.

Необычайно интересны были беседы с Марией Александровной Садовой. Читательские требования нередко отражали плохую библиографическую осведомленность специалистов: нередко указывались статьи, помещенные в сборнике, в качестве самостоятельной единицы; вместо заглавия порою указывалась серия, в которой выходила данная книга. Работа с читательскими требованиями ближе познакомила с теми, для кого мы составляем библиографии. Были и не-

брежные читатели, неверно записавшие данные о нужных им материалах, но порою виноватыми оказывались и библиографы, недостаточно четко составляющие свои указатели. Благодаря приобретенному опыту, я стала особенно внимательна к описанию регистрируемых материалов и к их расположению в библиографиях.

Подавались и требования, которые необходимо было подвергать сложной расшифровке. Мастерницей разгадывания читательских шарад и была Мария Александровна. За долгие годы работы она изучила психологию неискушенного в библиографии человека и создала даже классификацию наиболее распространенных ошибок. Мария Александровна знала множество замысловатых и курьезных читательских запросов, и мы убеждали ее поделиться своими исключительными знаниями со следующим поколением «отгадчиков»¹.

Затем меня отправили сверять шифры снимаемых с полок книг с шифрами, поставленными на читательских требованиях. Из этой работы (ее могли бы выполнять окончившие среднюю школу) я, увы, никакого смысла не извлекла. Укрепилось только убеждение, что наши научные работники лишены многих средств современного технического оборудования.

Работала я с Евой Финкель. Она доставала книги и, обвязав их бечевкой, спускала ко мне. Затем бечевка поднималась вверх, и Ева начинала снова снимать и упаковывать книги.

В военное время требований было не так много, и у нас появились перерывы в работе.

Ева была очень общительным человеком. Мне порою казалось, что она знает обо всем происходящем в библиотеке. В перерывах она убегала пообщаться с другими библиотекарями и всегда возвращалась со сведениями о событиях внутри и вне библиотеки. Трогательно заботилась Ева о своих маленьких племянницах. Работать с ней было легко.

Блокада. Я не люблю вспоминать о ней. Воспоминания эти загнаны в самый дальний угол моей памяти. Читаю многое, написанное о ней, смотрю художественные фильмы и документальные репортажи. Все так. Но у каждого блокадника есть свои личные впечатления о первой поре блокады, отлившиеся в зримые картины и образы. Они с острой болью воскрешают то страшное время.

Осень. Конец рабочего дня. Все стремительно выбегают на улицу. Немцы обычно начинали в это время один из своих артобстрелов.

Все надеются добежать домой до обстрела или миновать особо опасные места.

На улице поток людей: еще работают неуспевшие эвакуироваться учреждения. Поток растекается ручейками по пересекающим Невский проспект улицам. В начале Невского (я бегу из Публичной библиотеки на Галерную) остает-

¹ Работа была написана позднее и издана дважды: Садова М. А. Библиографические разыскания при выполнении читательских требований : из опыта работы библиографов Русского фонда : (наблюдения и некоторые выводы). Л., 1955. 145 л. ; Ее же. В поисках книги : библиогр. разыскания при выполнении читательских требований / под ред. и с предисл. М. А. Брискмана. М. : Изд-во ВКП, 1963. 84 с. – *Примеч. ред.*

ся большая плотно сгрудившаяся толпа. Идем по проезжей части, транспорт давно не ходит. Идем точно локоть к локтю. И ни звука. Только шум шагов. Трагическое молчание. Толпа точно осознает полную незащищенность человека в его исторической судьбе. Как это могло случиться? Что впереди? И все же не ощущаешь в этом тягостном молчании покорности и смятения.

Нельзя забыть ожидания близкого падения бомбы. Они падали, издавая звуки, пронизывающие тебя с головы до пят. Укрываюсь в подворотне с богомольной старушкой из соседней квартиры. Грохот падения. Соседка крестится и шепчет: «Спасибо, Господи, что пронес мимо».

Говорю ей:

– Неладно Вы молитесь, Дарья Дементьевна.

– Это в чем же неладно?

– В вашей молитве Вы говорите: спасибо; что пронес мимо и ударил в соседа.

Она молчит немного и произносит:

– Вечно Вы выдумываете что-нибудь, Ксана. Но надо, конечно, проще: спасибо, Господи, что спас.

Пошутили немного. А вскоре такой же пронзительный звук.

Горят Бадаевские склады. Стою на крыше вместе с другими, оберегая от возможных зажигалок наш дом. Пожар отсюда отлично виден. Продукты горят неравномерно. Пожирающий их огонь выбрасывает в небо безумные сочетания красок. Одни начинают затухать, а рядом снова новый не менее яркий выброс.

В городе уже начался голод. Трагическая цветовая симфония извещает о гибели множества людей и заранее справляет грозную тризну. Знаешь это и не можешь оторвать глаз от зловещего эстетически выразительного зрелища.

Потом будет другое полыхающее небо, сопровождаемое гулом орудий. Началось наше наступление.

Первый увиденный на улице мертвец. Женщина с расprostертыми руками. Ноги босые. Видно сняли теплую обувь.

Умирили многие. Сначала десятки, затем сотни и тысячи. Первых хоронили на кладбищах, а затем свозили на санках в указанные места и храмы. Было холодно и голодно. Умирили в первую очередь те, у кого не было дров или мебели, которую можно было сжечь. Книги горели плохо. Двойного гнета выдержать было нельзя. Переносить горечь утрат нестерпимо. Но блокадники постепенно впадали в нервное оцепенение, заставляющее их каменеть, становиться ко всему равнодушными, зачастую даже к себе. Эмоциональное расторможение началось после войны, когда с огромною силою осознавалась гибель близких. Для многих это также стало гибельным.

Голод и холод. Мы укутаны, кто во что горазд. Стеганные ватники, шубейки всех сортов, подпоясанные ремнями или цветными шнурами. Ноги в валенках, ботах, самодельных гетрах. Идет знакомый человек еле узнаваем.

И все же в Публичной библиотеке были читатели. Осенью ее посещали заканчивающие служебные обязательства. Затем стали посещать военные, выполняющие свои задания. Приходили постоянные посетители библиотеки. Но ряды их быстро редели. Что гнало их в лютую стужу с Васильевского острова

или Петроградской стороны, из холодного дома в не менее холодную библиотеку, где нельзя было раздобыть стакан согревающего кипятка? Думаю, что это прежде всего осознанное или инстинктивное чувство самосохранения, стремление не сломиться под тяжестью объективных обстоятельств, сохранить свой интеллект. Одного такого читателя я знала лично.

То был человек трудной судьбы. В 1927 г. по ходатайству М. Горького эмигранту Долмату Александровичу Лутохину разрешили вернуться в Советский Союз. Здесь он выступал как экономист, а не критик. В 1935 г. в связи с убийством С. М. Кирова из города стали высылать лиц дворянского происхождения и вообще неугодных людей. В их число попал и Лутохин с семьей. У многих высылаемых были родовые или приобретенные ими архивы. Время для отъезда было минимальным. Покидавшие Ленинград продавали или сдавали свои архивы в государственные. Приобретать их было необходимо. Они являлись культурными ценностями страны, но государственные архивы всегда оставались на голодном пайке. Меня вместе с ученым хранителем Рукописного отдела Пушкинского Дома послали познакомиться с архивом Лутохина. Он оказался ценным, и мы его приобрели. Должно быть, снова помог М. Горький. Лутохин вновь жил в Ленинграде. В блокадную зиму он, укутанный как и все мы, почти ежедневно приходил в библиотеку. В начале 1942 г. он исчез.

Я испытала все блокадные невзгоды. На моих руках умерли две пожилые родственницы. Погибла эвакуированная в марте жена воюющего брата, жившая со мною. Детей, сданных в детский дом, я разыскивала несколько месяцев.

Я не боялась обстрелов. Мне не казалось, что погибну от снаряда. Но голод... Он давал себя чувствовать и днем, и ночью. Как и у ряда блокадников, у меня была своя психическая «закавыка». Иду по Сенной площади (зимой из-за дров перебрались на Прядильную улицу), которая кажется мне бесконечной, и чувствую запах печеного хлеба. А на ней ни булочной, ни пекарни. А у Апраксина двора пахнет горячими щами. Надо было что-то предпринимать, поставить заслон от начинающегося голодного психоза. Я решила писать диссертацию. Материал к ней был уже частично подобран. Уезжая за рубеж в 1921 г., М. Горький сдал на хранение в Публичную библиотеку часть своего личного архива¹. Пушкинский Дом, став зачинателем научного горьковедения, получил от Горького разрешение на использование для публикаций в серийном издании «М. Горький. Материалы и исследования» материалов своего архива. На основании хранящихся переписок 1910-х гг. я написала для четвертого горьковского тома статью «М. Горький – редактор журнала «Современник» (том не вышел из-за начавшейся войны). Статья эта могла стать первой главой диссертации о Горьком на Капри. Основную часть диссертации должен был занять анализ

¹ Перед войной Публичная библиотека приобрела весьма ценный архив издательства «Знание», возглавляемого в начале XX в. М. Горьким и К. П. Пятницким. После смерти Горького был организован Архив М. Горького, куда предписывалось сдавать горьковские материалы. После войны Архив М. Горького затребовал у Публичной библиотеки архив «Знания». Я уговорила ответить отказом, так как последний является частью издательского дела Петербурга. Но после моего ухода на второе обращение Архива М. Горького Публичная библиотека, к сожалению, ответила согласием.

трех циклов рассказов, написанных в те же годы. Работая над библиографией «Критика о М. Горьком», я хорошо знала, что избранная мною тема не разрабатывалась в нашей критике и литературоведении.

Я начала писать диссертацию на подоконнике в белые ночи 1942 г. и окончила ее в конце 1944 г. После сдачи кандидатского минимума она была защищена в Ленинградском университете (1947) и в несколько переработанном виде издана в 1971 г. под заглавием «М. Горький на Капри, 1911–1913» (Л., 1971).

В блокадные дни тягостными были ожидания конца тревог. Завывала сирена. Люди торопливо спускались в бомбоубежище. Я не ходила туда. Подвальное помещение и вид большого числа испуганных людей угнетал. Пользуясь слухами об относительной защищенности подлестничных пространств, несколько библиотекарей вместе со мною укрывались под лестницей первого подъезда библиотеки (от Невского проспекта). Здесь мы томительно ожидали отбоя, почему-то перешептываясь. Но как-то под лестницу спустилась Екатерина Петровна Привалова. Она недавно защитила диссертацию в Педагогическом институте им. А. И. Герцена по детской периодике XVIII в. и была принята в библиографический отдел. Публичная библиотека неожиданно подарила мне верного и доброго друга на многие годы. Под лестницей мы быстро выяснили «кто есть кто», а затем начался обмен мнениями и споры. Быт и все блокадные тяготы были исключены из этих кратких встреч. Разговор шел о русской литературе и ее судьбах, о детской литературе, об отдельных произведениях. К нашим беседам стали прислушиваться и другие невольники тревог. Из их среды скоро выделилась темпераментная, всегда по боевому настроенная Белла Ильинична Мебель, бурно врывающаяся в наш разговор. Подлестничные бдения стали шутливо называть клубом Примур и число его посетителей не уменьшалось. Это также была противоблокадная терапия. Вероятно, она возникала и в других уголках Публичной библиотеки.

Запомнились ночные дежурства, во время которых происходили обходы библиотечных помещений. Вероятно, это должны были делать пожарники в сопровождении библиотекарей, обосновавшиеся в одной из комнат по Садовой улице. Однако им не хотелось выходить из натопленной комнаты на холод и они поручали делать обходы служащим библиотеки.

И вот со скупой светящейся летучей мышью идешь по огромным залам, заставленным книжными полками. Окна зашторены. Густая темнота. Тишина. Книжки немствуют, но кажется, что они не мертвы, а только затаились, сберегая человеческий опыт. Замедляешь шаги, они слишком громки здесь. Невольно настраиваешься на философский лад. К обыденной реальности вновь возвращает сдача данного тебе фонаря.

4

Вскоре меня перевели в библиографический отдел, представлявший собою как бы два звена. Одним из них, созданным для подготовки фундаментальных библиографий, руководил Юрий Алексеевич Меженко. Второе звено, возглавляемое Любовью Михайловной Филипповой, занималось составлением

менее обширных указателей, откликающимся на запросы текущего дня, и в этом плане более близкого справочно-библиографическому подразделению.

С Юрием Алексеевичем я по работе не соприкасалась, но меня интересовала организация работы над фундаментальными справочниками.

Как крупный ученый Сергей Дмитриевич Балухатый создавал фундаментальные библиографии, крайне нужные современным литературоведам. При этом его интересовала и выработка программы издания, и непосредственная библиографическая работа над ним. Он выступал как организатор и исполнитель. При подготовке книги обычно учитывалась ее целевая направленность – возможность использования как в научной, так и в педагогической работе (на филологических факультетах университетов и в педагогических институтах).

Юрий Алексеевич был библиографом другого типа. Его интересовал главным образом первый этап работы над справочным изданием. Он всегда был полон замыслов. Работа над ценнейшей «Библиографией периодических изданий России, 1901–1916» только еще начата, а он уже раздумывал над «Библиографией славяноведения». Меженко выступал как организатор, предоставляя все исполнение своим помощникам.

В доступной моим наблюдениям работе Публичной библиотеки в годы войны наметились как бы два направления. Была создана группа библиотекарей, занятых спасением архивов и библиотек деятелей культуры, оставшихся без призора в вымерших квартирах или полуразрушенных домах. Работа эта требовала затраты физической силы и спасателей немного подкармливали. Другая группа занималась составлением актуальных в то время библиографий. Первые несколько свысока смотрели на вторых, считая их своеобразными белоручками. Но я уверенно говорила: кончится война, и Публичную библиотеку прежде всего спросят, какую научную работу она вела в то время. Так и случилось. Необходимо было и то, и другое.

Мы подготовили с Екатериной Петровной по специальным заказам несколько хрестоматийных сборников и библиографий (о боевых подвигах русских офицеров прошлого, о художественной литературе, посвященной длительным осадам городов и др.). Составленная нами книжка «Героизм русского народа в пословицах и поговорках» (Л., 1943) распространялась на фронте и в том же году переиздана в Новосибирске. Под редакцией М. П. Алексеева вышел библиографический указатель «Мировое значение русской литературы и искусства» (Л., 1945). Проблема эта только начала привлекать к себе значительное внимание. Мы с большим трудом находили необходимые нам библиографические материалы. Библиограф не всегда выступает как регистратор, в его задачу входит и указание на то, что мало освещено, мало разработано. В настоящее время создано значительное число указателей, раскрывающих мировые связи русской литературы.

В Публичную библиотеку приходило немало писем читателей-фронтовиков. Мы отвечали на письма, затрагивающие вопросы истории, литературы и искусства. Характеристика писем дана нами в статье «Культурный рост наших фронтовиков» (Звезда. 1944. № 4).

В библиографическом отделе мы с Екатериной Петровной познакомились с библиографами, ведущими непосредственную работу с читателями. Среди них несомненно выделялась Мария Васильевна Кальфа. При одном воспоминании о ней становится теплее. Она была обаятельна и внешне, и в своем обращении с собеседником. Вся ее фигура, ее лицо с лучающимися добротой глазами сразу же располагали к себе. Она всегда шла навстречу серьезному читателю, всецело проникаясь его интересами. После войны пришел в библиотеку молодой архитектор. Ему предложили проектирование нескольких зданий в одной из наших азиатских республик, и он хотел ознакомиться с восточной архитектурой, в том числе арабской. Мария Васильевна стала подбирать для него альбомы и книги. Архитектор был уже удовлетворен увиденным и прочитанным, а неутомимая Кальфа все еще продолжала снабжать его новыми материалами. И таких забот у нее было множество. Это поистине была библиографическая «душечка». Ведь только кажется, что «душечкой» быть легко. Нет, такая сопричастность к интересам других – тоже дар свыше. Она обладала мягким и вместе с тем твердым характером. К ее суждениям прислушивались. В отделе она пользовалась большим авторитетом.

Знакомясь с работой Марии Васильевны, я часто говорила себе: стремлюсь как можно разнообразнее учесть интересы ученых в своих библиографиях, а вот на практике не смогла бы быть столь заботливой, как чудесная Мария Васильевна.

Весьма своеобразной была и эмоциональная Ольга Михайловна Котельникова. Кальфа ведала гуманитарными запросами, а Котельникова – медицинскими. Работала она как-то взхлеб, очень увлекаясь отдельными заданиями. Несмотря на некоторую взрывность в своих разговорах, она быстро устанавливала контакты со своими клиентами. У нее был даже круг заслуженных врачей, которые сообщали ей о новостях в области медицины, а она снабжала их сведениями о печатных новинках.

Привлекала меня сдержанная умница Вера Павловна Шмит, работавшая с поступающими иностранными изданиями.

С большой благодарностью вспоминаю Марию Константиновну Зиновьеву. С нею я познакомилась в студенческие годы. Шла всеобщая перепись. Привлекли студентов. Инструктировала нас Зиновьева. Мне достался Московско-Нарвский район. Впервые воочию я увидела нищету и убожество старой рабочей окраины. Теперь это большой, застроенный современными домами район. В 1928–1932 гг. я работала там библиотекарем в только что построенном Доме культуры.

С именем многознающей, но необычайно скромной Марии Константиновны Зиновьевой связано появление «Библиографии периодических изданий России, 1901–1916» (4 т. Л., 1958–1961). Этот ценнейший труд выполнен всего тремя сотрудниками: Л. Н. Беляевой, М. К. Зиновьевой и М. М. Никифоровым. Они дали не только описание самих изданий, но и восстановили по архивным данным их цензурную судьбу. На титульных листах библиографии указывалось, что она выполнена под общей редакцией директора библиотеки, его заместителя и заведующего издательством Публичной библиотеки. Однако сле-

довало указать также имя основного, конкретного редактора, а им была М. К. Зиновьева. Это отмечено лишь в предисловии.

После войны Екатерина Петровна Привалова стала преподавать, а затем заведовать кафедрой детской литературы в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской. Я же работала над составлением двух персональных библиографий, не вышедших из печати, что весьма примечательно для того времени.

В области библиографии наметилось сильное тяготение к рекомендательным указателям. Такие умело составленные библиографии, конечно, нужны, но задача больших научных библиотек состоит в подготовке фундаментальных библиографий, рассчитанных в первую очередь на квалифицированных посетителей этих библиотек.

Переключение внимания библиографов на рекомендательную библиографию в тот период было обусловлено, в первую очередь, боязнью, что в справочники могут попасть сведения о статьях и книгах немарксистской ориентации. Такие требования стали применяться и к специальным библиографиям, что надолго приостановило работу над фундаментальными сводами литературы в гуманитарных науках. Авторы многих научных работ также стали избегать ссылок на своих предшественников, справочный аппарат в их книгах стал минимален.

За идеологической направленностью книг и статей следила цензура, а вскоре у нее появились и неофициальные помощники. Боясь ответственности, в издательствах возникли свои самоцензоры. Соответствующую цензуру вводили и боязливые редакторы. От самоцензоров научная литература страдала не менее, чем от самой цензуры. С распространенным в 1940–50-е гг. явлением самоцензуры я впервые столкнулась в Публичной библиотеке.

Решено было издать к 45-летию рождения Михаила Шолохова библиографию, включающую краткую биографическую канву, составленную по печатным источникам, список публикаций текстов произведений писателя и литературу о нем. Мною были просмотрены основные центральные и местные газеты, а также основные исследования (тогда немногие) о советской литературе. Создался интересный свод откликов на творчество Шолохова, отразивших и первую волну нападков на него. Верстка библиографии была отправлена в ноябре 1949 г. в Горлит для соответствующей визы на выход. И вдруг вызов к главному редактору издательства Александру Львовичу Дымшицу. Он сообщил мне, что книга запрещена. Слишком много газетного материала. Читатель обратится к ним, а в газетах ведь печатались и статьи врагов народа. Это меня удивило. Газеты 1920–30-х гг. довольно свободно выдавались по справкам учреждений или издательств с указанием, что просмотр их необходим для такой-то работы.

Книга стояла в плане издательства библиотеки, и Александр Львович предложил расширить биографическую канву, добавив к ней список биографических статей о Шолохове и оставить список текстов писателя. Когда я, весьма опечаленная, вышла из кабинета Дымшица, служащий издательства тихонько окликнул: «Муратова». Я подошла. Он вынул из стола экземпляр, побывавший в цензуре. На нем была разрешительная виза. Так бдительный самоцензор, опи-

раясь на распространенное «Кабы чего не вышло», зарезал первую шолоховскую библиографию.

Небольшой справочник «Михаил Шолохов» вышел уже после юбилейной даты в 1951 г. Забавнее всего было следующее обстоятельство. Примерно через год я получила письмо от одного из исследователей шолоховского творчества с просьбой выслать ему имеющуюся у меня библиографию, которую порекомендовал ему Александр Львович. Полагаю, что он не сообщил при этом, что был по отношению к этому труду более суровым, чем официальная цензура.

Самоцензурование въедалось и в сознание библиографов, порою они сами портили свои труды. Примером может служить обширная библиография «Советское литературоведение и критика» (М., 1966), вышедшая под редакцией Ю. Д. Рыскина. Боясь цензурных нареканий, редактор исключил сведения о ряде весьма примечательных явлений в советской литературе, тем самым сделав свою библиографию весьма ущербной. Обойденные же его вниманием книги благополучно стояли на книжных полках больших библиотек.

Повод для изъятия из плана издательства библиографии, посвященной Свифту в связи с его юбилеем, полуанекдотичен. Для нее были просмотрены специальные картотеки в Публичной библиотеке и Пушкинском Доме, а также множество исследований по английской литературе, откуда извлекались фрагменты свифтовских произведений, еще не переведенных в России. Редактировал книгу знаток английской литературы Михаил Павлович Алексеев, который нашел ее весьма полезной. Рукопись должна была идти в печать, однако начавшаяся борьба с космополитизмом вызвала опасения у дирекции Публичной библиотеки. Книга была исключена из плана. Не знаю, сохранились ли экземпляры невышедших библиографий в издательском архиве Публичной библиотеки. У меня они хранятся как свидетельства трудностей, с которыми сталкивался неожиданно библиограф.

Вспоминается еще один печальный случай, косвенно связанный с моим именем.

В 1917–1920 гг. Российской книжную палату возглавлял Семен Афанасьевич Венгеров, который задумал сопроводить «Книжную летопись» росписью всех выходящих журналов. Над такой росписью трудился большой коллектив сотрудников. В результате создалась универсальная картотека, позволяющая восстановить политическую и культурную жизнь страны. После создания Всесоюзной книжной палаты в Москве на базе Петроградской книжной палаты, а также оставшегося наследия и личного архива умершего С. А. Венгерова возник Институт книговедения. После его ликвидации в 1932 г. личный архив и картотеки Венгерова поступили в Пушкинский Дом, а картотека Книжной палаты передана Публичной библиотеке. И здесь она неожиданно затерялась. На все запросы о ее судьбе библиографы получали ответ: не знаем.

Во время войны в библиотеке происходили передвижки. Когда алфавитный каталог из специального зала спускали в подвал, я вдруг увидела старое вместительное помещение больших каталожных ящиков без обозначения. Стала просматривать. Какая радость! Да ведь это же полулегендарная роспись, созданная неутомимым Венгеровым.

Роспись позволяла восстановить, в каких изданиях сотрудничали те или иные писатели, где они жили. Ведь республика была на колесах. Я начала даже поддразнивать некоторых библиографов, полагающих, что они собрали исчерпывающие данные. В библиотеке был человек (Яков Алексеевич Алексеев), который увлекался личностью М. И. Калинина и собрал сведения о его выступлениях. Я выписала из картотеки данные о речах Калинина, напечатанных в каких-то маленьких журнальчиках. Они у калининского библиографа, к его большому огорчению, не оказались зарегистрированными. То же было и с библиографией писателей (А. Серафимович и др.). С картотекой ознакомились и поехали другие сотрудники справочного отдела. Конечно, она была переполнена недозволенными именами. Тем не менее такие картотеки обязаны храниться для научных исследований. Закрытые для общего пользования, они приносят специалистам огромную пользу на протяжении многих лет. Да и само время меняет понятие о запрещенных книгах и статьях.

После моего ухода в Пушкинский Дом уникальная картотека вновь исчезла. О ней не знали и те, кто видел ее ранее, и те, кто пришел в библиотеку недавно. Картотека очень необходима нам, литературным библиографам, в качестве дополнений и справочного материала. Мои помощники несколько раз обращались в справочный отдел с просьбой сообщить, цела ли она и как ее можно посмотреть – и неизменно им отвечали: не найдена. Был и ответ: уничтожена. Однако уничтожить такую громадную картотеку нелегко. Может быть, ее снова укрывали, чтобы не дать погибнуть полностью или частично. Настало время заставить ее вновь служить науке.

Поколения читателей приходят и уходят, и хранительница человеческой мудрости по-прежнему стремится к всестороннему их обслуживанию.

В последние десятилетия у библиотеки было много хлопот о долгожданном новом здании, расширении ее филиалов, о ее материальной базе. Но в связи с наступающим юбилеем хочется как старейшему посетителю ее библиотечных залов, помечтать.

Библиотеке крайне необходим устав, развернутое утверждение ее задач как крупнейшей национальной библиотеки, и вместе с тем, Санкт-Петербургской Публичной библиотеки, так как ее судьба тесно связана с судьбой города.

Необходима разработка многолетней научной программы, определяющей научный профиль библиотеки. Необходимо и неотложно воспитание огромного штата Публичной библиотеки как единого коллектива, не только выполняющего свой повседневный труд, но являющегося и членом огромного культурного сообщества, все участники которого от самого малого служителя до научных руководителей и административных лиц выполняют общее дело развития культуры и науки. Необходимо возродить старые традиции Публичной библиотеки, в которой преобладали в большей степени стремления к строгости в смысле сохранности фондов в сочетании с благожелательным отношением к читателю.

Каждому найдется инициативное дело. Сейчас очень беспокоит комплектование библиотеки текущей литературой. Есть ли в библиотеке новые Зигели,

которые собирают однодневные и коммерческие издания, не всегда, очевидно, поступающие в Книжную палату? Нужны многократные обращения к издателям, авторам и т. д. Книжный и газетный рынок сейчас весьма отличен от существовавшего в 1917–1921 гг. Коллекционеры хорошо собирают материалы, но необходима и собственная расторопность и заинтересованность.

Вспоминая свой долгий жизненный путь, ясно вижу, какую роль в становлении моей личности сыграли годы, дни и часы, проведенные в Публичной библиотеке.

Низкий поклон тебе. Этими словами я заканчиваю свои воспоминания.

Муратова К. Д. Публичная библиотека в жизни библиографа // Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. СПб., 1993. Вып. 3. С. 120–139.